

Кузьмин Н.Н.

О КАТЕГОРИИ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

За все время развития социальной философии и теоретической социологии исследователям так и не удалось прийти к единому мнению по поводу того, что в социальной жизни является определяющим, какой элемент социальной реальности конституирует социальные явления и процессы.

Среди концепций, трактующих природу социальной реальности, можно выделить 2 крайние позиции: одна принадлежит тем исследователям, которые утверждают, что социальную реальность определяют действия отдельных индивидуумов, а другая – сторонникам точки зрения, что основой социальной жизни являются коллективные образования: социальные структуры, институты, общности. Эти противостоящие друг другу концепции обычно обозначают как субъективизм (или методологический индивидуализм) и объективизм (или методологический коллективизм)ⁱ. Обе точки зрения восходят практически к моменту формирования социологии как науки (вторая половина XIX века). В этот период идеи объективизма разрабатывались К. Марксом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, а субъективизм существовал в виде психологизма Дж. С. Милля, Г. Тарда, Г. Лебона.

Тезис К. Маркса, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»ⁱⁱ достаточно красноречиво характеризует установки объективизма, которые нашли свое дальнейшее и наиболее яркое продолжение в концепции социологического реализма Э. Дюркгейма. Согласно этой концепции общество в целом, равно как и отдельные социальные институты, является самостоятельной сущностью, несводимой к взаимодействию отдельных индивидов. Истинными носителями социальной реальности являются надиндивидуальные целостности, взаимодействия индивидов становятся социальными лишь приобщаясь к сверхиндивидуальным формамⁱⁱⁱ. По мнению Э. Дюркгейма, социальная реальность состоит из социальных фактов, которые оказывают на индивида внешнее принуждение и имеют при этом свое собственное существование, независимое от индивидуальных проявлений. С этой точки зрения индивид и его деятельность принудительно зависимы от некоторых коллективных феноменов, составляющих ядро независимой автономной социальной реальности^{iv}.

Субъективизм, зародившись как попытка объяснить социальные явления путем обращения к явлениям психологическим, в начале XX века нашел свое воплощение уже в чисто социологической концепции номинализма М. Вебера, согласно которой исходным моментом социологического анализа признается не социальное образование как самостоятельное целое, а индивид и его социальное действие^v. Любое социальное образование в этом случае нужно рассматривать как продукт специфических действий отдельных людей. Согласно М. Веберу такие понятия как «государство», «сообщество», «феодализм» и т.п. означают «категории определенных видов совместной деятельности людей и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к «понятному» поведению, а такое сведение всегда означает только одно – сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей»^{vi}. При этом социальную реальность можно понять лишь проникнув в субъективные смыслы субъектов социального действия^{vii}. Таким образом, стратегическим элементом этой социологической парадигмы являются не социальные факты, а тот способ, посредством которого определяются социальные факты. Социальная реальность в этой парадигме выступает как совокупность значений и символов, в форме которых действующие субъекты оценивают свое социальное окружение^{viii}.

В условиях, когда существуют две противостоящие друг другу точки зрения, неизбежно появятся концепции стремящиеся объединить в одном теоретическом построении достижения обоих направлений. Во второй половине XX века было предложено множество вариантов подобного синтеза.

Одним из наиболее значительных и продуктивных является социально-феноменологическая теория П. Бергера и Т. Лукмана. Исходным положением данного синтеза является утверждение, что общество творит индивидов, которые творят общество. Согласно этой концепции «социальную структуру нельзя охарактеризовать как некую самостоятельную вещь, отдельно от человеческой деятельности, произведшей ее, но однажды созданная эта структура воспринимается индивидом как чуждая фактичность и как принудительная инструментальность»^{ix}. В данной модели сочетается как волюнтаристский идеализм в понимании социальной структуры, так механический детерминизм в понимании действующих субъектов. То есть, идентичность субъекта детерминирована социальной структурой и, наоборот, идентичность, созданная благодаря взаимодействию индивидуального сознания и социальной структуры реагирует на данную социальную структуру, поддерживает, модифицирует или даже переконструирует ее^x. Человек в этой концепции выступает и «творцом» социального мира и его «жертвой», поскольку находится в плену у созданных им когда-то значений, символов, институтов. С точки зрения социальных феноменологов, если объектом анализа становится целостность, включающая в себя как индивида, так и общество, то это позволяет избежать искажений в понимании социальной реальности, присущих как структурализму (как объективистской концепции), так и психологизму^{xi}.

Сходным вариантом синтеза является теория систем правил шведских исследователей Тома Р. Бернса и Елены Флем. Согласно этой концепции человеческая деятельность при всем ее своеобразии организуется и управляется в основном социально определенными правилами, а также системами правил, применяемых для структурирования и регулирования социальных взаимодействий. При этом сложная и многомерная нормативная сеть рассматривается не как данность в дюркгеймовском смысле, а как продукт человеческой деятельности. С одной стороны социальные правила организуют и регулируют социальные взаимодействия, а с другой – процессы взаимодействия служат основой для формирования и изменения систем правил, их интерпретации и применения. Возникая в человеческих действиях, правила и нормы в свою очередь влияют на них^{xii}.

В описанных выше двух вариантах синтеза приоритет при анализе социальной реальности отдается

взаимодействиям индивидов. Так что они являются скорее субъективистскими концепциями, учитывающими роль социальных структур в организации направленности действий субъектов и жизни общества в целом. Вариант синтеза, в котором превалируют объективистские установки, предложил Рой Бхаскар. С его точки зрения верными являются утверждения, что общество не существовало бы без человеческой деятельности и что такая деятельность основывается на представлениях субъектов о своих действиях. Однако неверно утверждать, что субъекты творят общество. По мнению Р. Бхаскара, субъекты могут лишь воспроизводить или изменять его. То есть общество, его структуры всегда предстают уже готовыми, созданными, а любая человеческая деятельность может только изменить их. Так как общество предшествует индивиду, то человеческая деятельность всегда осуществляется на наличных социальных объектах и ее нельзя представить в их отсутствии. Всякая деятельность предполагает первичное существование социальных форм^{xiii}. Общество обеспечивает условия для целенаправленного интенционального человеческого действия и целенаправленные действия субъектов есть необходимое условие жизни общества. Общество существует только в человеческом действии, но и данное действие всегда использует ту или иную социальную форму^{xiv}.

Некоторыми исследователями были предложены концепции, целью которых была замена картины социальной реальности, состоящей из противостоящих друг другу действующих субъектов и социальных структур, на динамичную картину, в которой эти уровни социальной реальности слились бы в единую сеть непрерывного взаимодействия.

Энтони Гидденс, например, считает, что действующих субъектов и структуры нельзя представлять как два независимо заданных ряда явлений. По его мнению, они представляют собой не дуализм, а дуальность: «В соответствии с понятием дуальности структуры структурные качества социальных систем, являются как средством, так и результатом практик, которые они регулярно организуют»^{xv}. С этой точки зрения свойства действующих субъектов являются и продуктами структур и ресурсами для их построения^{xvi}, а сами эти уровни социальной реальности сливаются в едином процессе структуриации.

Подобным вариантом синтеза является теория социального становления П. Штомпки. Согласно этой концепции не существует ни реальности субъектов, ни реальности структур самих по себе. По мнению этого исследователя: «Мы не найдем ни одного примера в общественной жизни, в котором не было бы слияния структур и агентов, операций и действий. Покажите мне агента, который не встроен в какую-нибудь структуру, или структуру, которая существует отдельно от индивидов, или действие, которое не включено в социальные операции, или, наконец, социальное оперирование, которое не распадается на действия. Нет бесструктурных агентов, и нет безагентных структур»^{xvii}. По мнению П. Штомпки, подлинную сущность социальной реальности составляют события, то есть «не индивидуальные действия или «социальные факты», а их тесное конкретное слияние»^{xviii}.

Несмотря на методологические различия, имеющиеся у описанных выше социальных теорий, в них наблюдается одно обстоятельство, которое позволит нам выделить особую составляющую социальной реальности, столь же важную как вельчинностные социальные структуры и отдельные действия индивидов. Эта сфера социальной репрезентации.

Все упомянутые концепции подчеркивают важную роль в жизни общества, конститутирования социальных явлений и процессов представлений, систем значений и смыслов, символических конструкций, то есть сферы репрезентации действующими субъектами своего социального окружения.

Так у Э. Дюркгейма социальные факты подразделяются на морфологические, составляющие материальный субстрат общества, и духовные, существующие в виде «коллективных представлений»^{xix}: совокупности мнений, знаний, способов действий и т.п. Коллективные представления с точки зрения Э. Дюркгейма как представителя методологического коллективизма являются продуктом длительного развития общества и принудительно навязываются каждому индивиду: «Коллективные представления – продукт обширной почти необъятной кооперации... Для их создания множество различных умов сравнивали между собой, сближали и соединяли между собой свои идеи и свои чувства и длинные ряды поколений накапливали свой опыт и свои знания»^{xx}. Значимость коллективных представлений по мнению Э. Дюркгейма проистекает из того, что в них сконцентрированы не только накопленные знания, но и наиболее общие способы осмысления окружающей действительности, без которых «всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно, стала бы невозможной и всякая совместная жизнь»^{xxi}.

Для М. Вебера понятие социальное явление можно, лишь истолковав субъективные смыслы и значения, посредством которых действующие субъекты определяют ситуацию взаимодействия. Например, по мнению М. Вебера, «социология в той мере, в какой «право» попадает в орбиту ее исследования, занимается не выявлением логически верного «объективного» содержания «правовых положений», а действиями, в качестве детерминантов и результатов которых могут, конечно, играть значительную роль... представления людей о «значимости» определенных правовых положений»^{xxii}. Также, согласно М. Веберу, предметом социологического анализа наряду с субъективными смыслами является все многообразие идей, мнений, убеждений, представлений, образов мира^{xxiii}. Видимо является не случайным, что как М. Вебер, так и Э. Дюркгейм обращались к анализу роли религиозных воззрений в жизни общества.

В противостоящих друг другу парадигмах объективизма и субъективизма, основывающихся на признании доминирующей роли одного из уровней социальной реальности нет необходимости локализации сферы репрезентации в социальной реальности: она с необходимостью занимает место на доминирующем полюсе. Другое дело концепции синтеза. В них отсутствует такое доминирование и, следовательно, остается открытым вопрос о локализации репрезентативных форм. Тем более, что их значимость подчеркивается в синтетических концепциях

еще сильнее. Основатель социальной феноменологии А. Шюц утверждал, что социальная реальность конституируется сознанием составляющих ее людей. Социальное действие детерминируется «запасом знаний» субъекта, который в свою очередь основывается как на внутрисубъективных смыслах, так и на социокультурных значениях^{xxiv}. С точки зрения последователей А. Шюца П. Бергера и Т. Лукмана детерминация действий субъекта осуществляется по трем параметрам:^{xxv} во-первых, на субъекта налагается онтологическая структура мира - внешнее принуждение со стороны природы и культуры (во втором случае это культурные представления); во-вторых на субъекта налагается структура субъективного восприятия жизненного мира – индивидуальные смыслы и значения; в-третьих – биографической ситуацией, в которой фиксируется детерминированный местом индивида в социальном мире запас знаний.

Теория систем правил, помещая в центр анализа социального мира нормы, прямо говорит о том, что важнейшим элементом взаимодействия социальных структур и действующих индивидов являются представления последних о нормах и правилах социальной жизни, представляющих собой «грамматику социальных действий».^{xxvi}

Рой Бхаскар также утверждает, что «поскольку социальные структуры существуют только благодаря видам деятельности, направляемым ими, они не могут существовать независимо от идей, имеющихся у субъектов, относительно того, что они делают».^{xxvii}

Аналогичные утверждения составляют одно из центральных положений теории структуриации Э. Гидденса. По его мнению, каждый член общества, осуществляя любого рода взаимодействия, «обычно обращается к своим знаниям и теориям», и именно их использование «есть условие осуществления взаимодействия вообще»^{xxviii}. (В понимании значения понятий «знание» и «теория» Э. Гидденс следует традициям социальной феноменологии, где эти понятия относятся в первую очередь к обыденному познанию).

П. Штомпка также утверждает, что «потенциальные возможности агентов в значительной степени зависят от того, что люди в данном обществе думают и во что верят... и от того, во что их заставляют верить идеологические структуры (идеологии, предписания, традиции, «встроенные» в социальное сознание)». И то и другое «определяет возможные и невозможные виды практики, доступные и недоступные средства, достижимые или утопические цели»^{xxix}.

Анализируя взгляды представителей различных направлений в социальной теории на роль сферы репрезентации участниками социального взаимодействия своего социального окружения, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, изучение социальной реальности, адекватное объяснение социальных процессов требует «обращения ко всему конгломерату ментальных представлений об обществе, существующему в когнитивных системах субъектов социального взаимодействия»^{xxx}.

Во-вторых, данную сферу репрезентации нельзя локализовать ни на одном из полярных уровней социальной реальности, поскольку она включает в себя как «коллективные представления», так и репрезентативные элементы, обусловленные индивидуальными смыслами и жизненным опытом субъекта, которые также имеют важное значение для анализа социального (например, действия личности, обладающей возможностью значительного влияния на процессы в обществе усвоение членами какой-либо социальной группы привнесенных из вне установлений и норм).

Практически никакой элемент сферы репрезентации нельзя целиком отнести ни к «социальным фактам», ни к индивидуальным психическим феноменам. Любая индивидуальная психическая склонность, способность, установка, комплекс имеет социальный характер, поскольку, с одной стороны, оказывает влияние на социальное действие, а с другой – подавляется или развивается в зависимости от требований социального окружения. Поэтому, например, предметом политологического анализа оказываются психологические особенности политических лидеров. С другой стороны, любые исходящие от социальных структур нормы, установления, требования получают действенность только через воздействие на индивидуальное сознание субъектов. Так структуралист К. Леви-Стросс, которого можно однозначно отнести к «объективистам» утверждает: «Свойство социального – оно может быть только психологическим, другими словами, мы никогда не можем быть уверены в том, что постигли смысл и функции установления, если мы не в состоянии воссоздать его влияние на индивидуальное сознание»^{xxxi}.

Нельзя обойти и такой элемент сферы социальной репрезентации как «массовые настроения», имеющие особенно большое значение в политической жизни. Например, в определенных обстоятельствах большая часть людей, составляющих какое-либо общество, может стремиться к стабильности или, наоборот, желать перемен. Такие «массовые настроения» оказывают значительное влияние на политическую практику, формирование идеологий и программ политических сил, борющихся за голоса избирателей. Очевидно, что данное явление не является ни продуктом социальных структур, ни проявлением индивидуального сознания.

Таким образом, в социальной реальности помимо уровней субъектов и социальных структур можно аналитически выделить (не претендуя на особый онтологический статус) третий уровень: сферу репрезентации, которая опосредует воздействие на конкретные социальные события, явления и процессы других уровней. Сфера социальной репрезентации как уровень социальной реальности представляет собой совокупность с одной стороны идей, ценностей, представлений, символов, навязываемых субъектам социальными структурами и общностями, а с другой субъективных предпочтений, диспозиций, установок, оказывающих влияние на социальное поведение субъектов. Причем эти под-уровни не противостоят друг другу, а сливаются в единую констелляцию репрезентативных элементов, в которой находит свое выражение как волюнтаристское воздействие субъектов на социальные явления и процессы, так и оперирование субъектами со стороны социальных структур.

Аналитическое выделение данного уровня социальной реальности позволяет раскрыть механизмы

взаимодействия субъектов и социальных структур. С помощью анализа репрезентативных элементов можно проследить трансформацию как социальных структур, так и субъектов социального взаимодействия. Изменения в социальных структурах - это в первую очередь изменения требований установлений, норм, предъявляемых субъектам. Изменение субъекта (например, превращение революционера в «государственника», бунтаря в конформиста) - это в первую очередь изменение представлений субъекта о целях своей деятельности и/или средствах их достижения.

Таким образом, выделив в качестве предмета анализа сферу репрезентации, можно получить наиболее адекватное представление о социальных явлениях и процессах, учесть в единой концепции как объективные, так и субъективные факторы, влияющие на формирование социальной реальности.

ⁱ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - С. 109.

ⁱⁱ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – М.: Политиздат. - Т. 13, с. 7.

ⁱⁱⁱ Давыдов Ю.Н. Реализм социологический // Современная западная социология: Словарь. - М.: Политиздат, 1990. - С. 288.

^{iv} Лапина С.В. Социологическое познание: Методологические проблемы исследования социальных явлений и процессов: Учебное пособие. – Минск: Беларуская наука, 1998. - С. 37

^v Наумова Н.Ф. Номинализм социологический // Современная западная социология: Словарь. - М.: Политиздат, 1990. - С. 226.

^{vi} Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С.507.

^{vii} Лапина С.В. Указ. соч. – С. 38

^{viii} Осипов Г.В. Социология и социализм. М.: Наука, 1990. - С. 75.

^{ix} Рой Бхаскар. Общества // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991. - С. 226.

^x Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. - С. 279.

^{xi} Руткевич Е.Д. Феноменологическая социология знания. - М.: Наука, 1993. - С. 89.

^{xii} Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 250-251.

^{xiii} Рой Бхаскар. Указ. соч. – С. 227.

^{xiv} Там же. – С. 229.

^{xv} Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. - С.61.

^{xvi} Штомпка П. Указ. соч. – С. 272.

^{xvii} Там же. – С. 272.

^{xviii} Там же. – С. 273.

^{xix} Лапина С.В. Указ. соч. – С. 37.

^{xx} Дюргейм Э. Социология и теория познания // Хрестоматия по истории психологии. Под ред. П.Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - С.218.

^{xxi} Там же. – С. 219.

^{xxii} Вебер М. Указ. соч. – С. 508.

^{xxiii} Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. - С.55.

^{xxiv} Руткевич Е.Д. Указ. соч. – С. 35.

^{xxv} Там же. – С. 54.

^{xxvi} Штомпка П. Указ. соч. – С. 251.

^{xxvii} Рой Бхаскар. Указ. соч. – С. 231.

^{xxviii} Керимова Л.М., Керимов Т.Х. Теория структуризации Э. Гидденса: методологические аспекты // Социологические исследования. – 1997. - №3. – С. 86.

^{xxix} Штомпка П. Указ. соч. – С. 280.

^{xxx} Фишер К. Когнитивные основы социологии // Западная теоретическая социологии 80-х годов: Реф. сб. / (Ред.-сост. и отв. ред. Н.Л.Полякова). – М.: ИНИОН, 1989. - С. 127.

^{xxxi} Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – С.40.